

Лалуев Владимир Яковлевич

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СЕГМЕНТОВ В ПРОРОЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: КУЛЬТУР-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена деятельности пророков Ветхого и Нового Заветов, когда, на взгляд автора, пророческие интенции стали детерминироваться импульсами, имеющими художественное происхождение.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. I. С. 110-114. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 37.0+27; 008

Статья посвящена деятельности пророков Ветхого и Нового Заветов, когда, на взгляд автора, пророческие интенции стали детерминироваться импульсами, имеющими художественное происхождение.

Ключевые слова и фразы: библейский пророк; духовный опыт; божественное откровение; художественный образ; искусство и действительность; грезы.

Владимир Яковлевич Лалуев, к. филос. н.

Кафедра философии и культурологии

Сибирский государственный университет путей сообщения

vladimir_laluev@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СЕГМЕНТОВ В ПРОРОЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: КУЛЬТУР-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ[©]

Художественный образ выражает общее и сущностное как единичное и множественное, и это не кажущееся самоотчуждение от предметночувственной действительности, а напротив, приближение к ней. Можно сказать, что в художественном произведении всегда действует конкретная личность в конкретной ситуации, потому что отношения «человек - мир» всегда конкретны. Художник, постигая реальную действительность, создает художественные образы, в которых мир человека отражается в его многогранных общественных и духовных связях. Требование цельности художественного образа человека в его поступках и чувствах приводит к двум тенденциям: глубокому обобщению и предельной убедительности. Изначально рассудок в искусстве подчинен воображению, и схватывая суть явлений, воображение способно творчески отобразить реальную действительность. Следовательно, функцией художественного воображения является то, посредством чего пророк как художник модифицирует, преобразовывает мир в соответствии с целями и задачами, данными ему в духовном опыте, а затем в образной форме выстраивает новую ситуацию.

Видимо здесь берет начало поэтика «необъяснимого», «алогичного», потому что библейские пророки говорят и описывают не научным языком, а образно-метафорическим, основанным на эстетическом чувстве. Следовательно, библейский пророк - это философ, размышляющий о реальной действительности и связывающий ее течение с социально-нравственными аспектами жизни человека и общества. Это хорошо просматривается на пророческом опыте Иеремии, когда Бог вкладывая слова-откровения в его уста, передает их не как звучащий глагол, а «насущную пищу» (т.е. информацию), которую он должен усвоить (Иер. 1:9-10). В этом слиянии божественного и человеческого начала внешние обстоятельства вырастают в инфернально окрашенную принудительную силу, побуждая пророка Иеремию действовать «алогично», т.е. вопреки собственному пониманию и представлению. Примером такого усвоения божественной информации, носящей как реальный, духовный, так и буквально-метафорический характер, показан в пророческом опыте Иезекииля: «Ты же, сын человеческий, слушай, что Я буду говорить тебе: не будь упрям, как этот мятежный дом; открой уста твои и съешь, что Я дам тебе». И увидел я, и вот рука простерта ко мне, и вот в ней - книжный свиток. И Он развернул его предо мною, и вот свиток исписан был внутри и снаружи, и написано на нём: плач, и стон, и горе» (Иез. 2:8-10). Подобный опыт происходит с Иеремией, он ест и пьёт, как крепкое вино, как горящий огонь, заключенный в костях его. И всё это ради Господа и ради святых слов Его (Иерем. 15:16; 20:9; 23:9). Именно этот «мучительный огонь» делает податливым пророка к восприятию глобального опыта видения, позволяя впитывать образы и символы, стоящие перед его взором, а затем, постигая картины внешнего и внутреннего мира, метафорически описывать действительность жизни в подходящих художественных образах.

Вместе с тем духовный опыт пророка показывает, что божественное откровение, облеченное в вербальный контекст, носит, прежде всего, социальный аспект и обращено к слушателям, которым необходимо напрячь свой «внутренний слух», чтобы услышать и понять переданную Богом весть. В контексте заявленного выше предположения становится ясно, что больше других пророков обучается Иеремия восприятию бесконечных свойств видения. Впитывания тех образов, символов и метафор, вставших перед его пророческим взором и удерживаемых веками; усвоения картины внешнего мира, а также волнующих миражей и мечтаний «внутренней», духовной жизни. И, наконец, умению постичь пересечение этих двух противоречивых доминант «внутреннего и внешнего» начала в представленном ему видении, связав их с реалиями действительности жизни.

Анализируя духовный опыт пророка, можно сказать, что процесс обучения Иеремии начинается с простых художественных образов пророческого видения (в начале он видит жезл миндального дерева, кипящий котел и до сменяющих друг друга глобальных космических картин). «Смотрю на землю - и вот, она разорена и пуста - на небеса, и нет в них света. Смотрю на горы - и вот, они дрожат и все холмы колеблются. Смотрю - и вот, нет человека, и все птицы небесные разлетелись» (Иер. 4:23-26). Эти видения служат своего рода экраном, сквозь который проходит взгляд Иеремии, обучаясь постигать глубокий смысл увиденных картин

мира. «И было Слово Господне ко мне: «Что ты видишь Иеремия?» Я сказал: «Вижу жезл миндального дерева». Господь сказал мне: «Ты, верно, видишь; ибо Я бодрствую над словом Моим, чтобы оно скоро исполнилось». И было слово Господне ко мне в другой раз: «Что видишь ты?» Я сказал: «Вижу поддуваемый ветром кипящий котел и лицо его со стороны севера». И сказал мне Господь: «От севера откроется бедствие на всех обитателей земли» (Иер. 1:11-14).

Однако разработка такого рода формы обучения показывает, какими простыми упражнениями оттачивается способность Иеремии к аккомодации, где его внимание обращено не на целостный художественный образ как таковой, а те мелкие детали, благодаря которым этот образ становится более значимым. Иеремия замечает в полученном видении, казалось «незначительную деталь», - движение ветра «со стороны севера», но, оттуда произойдет ожидаемое бедствие. Для описания целостной картины мира ему потребуется восстанавить в каждом объекте множественность его смыслообразующих уровней; вычленив главное в его форме, сущности и названии, которое он определяет. Наконец, распознать то единственное и неизменное значение во времени и пространстве, - вот одна из главных задач пророческого видения исключительно физиологической природы. Иными словами, от пророка требуется не только глубокое проникновение во внешний мир, но и постижение «внутренних» духовных связей. Естественно, что не каждому человеку удастся достичь этой цели с первого раза.

Пророк Захария, к примеру, никак не может понять смысла увиденного, что даже Ангел удивляется его неспособности проникнуть в образный мир: «Ты не знаешь, что это?» (Зах. 1:1-6; 8-14). Иеремия, наоборот, сразу овладевает глубинным интуитивным взглядом, способностью ухватить реальную действительность в своей сути. Сцена с горшечником, описанная метафорическим языком считается литературным шедевром, венчающим период его обучения. Многие видели работу горшечника на кружале, но не каждый смог увидеть в его работе глубокий духовный смысл. «И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в его руке; и он снова сделал из него другой сосуд, какой горшечнику вздумалось сделать» (Иер. 18:4). Иеремия заметил, что палец горшечника - это перст Божий, а развалившийся сосуд - жители Иерусалима, которых Он выбрасывает на «свалку» истории.

Можно привести и другой пример художественной образности, который использует Иеремия, когда по велению Яхве покупает глиняный сосуд, приглашает с собой священников и старейшин в долину сыновей Енномовых - место языческих культов. Там он разбивает перед ними сосуд и изрекает пророчество: «Так сокрушу, Я народ сей, и город сей, как сокрушен горшечников сосуд, который не может быть восстановлен» (Иер. 19:1-11). В древности подобный поступок рассматривался не только как глубоко символический, но и магический прием, влекущий за собой ужасное наказание. Подобная практика, как считает М. И. Рижский, существовала в древнем Египте: при вступлении на престол нового фараона на стенках сосудов писали имена его внутренних и внешних врагов, добавляли проклятие «пусть умрет» и разбивали эти сосуды. В Палестине при археологических раскопках были обнаружены формулы таких проклятий на глиняных черепках [1, с. 186-187]. Так, казалось, через бытовую образность, обыденное мировосприятие картин внешнего мира Иеремия достигает главной цели пророческого видения, и новый художественный образ совершенно точно воспроизводит прежний, но увеличенный до космических и метафизических размеров.

Какое же богатство художественных образов, символов, метафор, проходит перед изумленным взором пророка и где он черпает то вдохновение, посредством которого выстраивает не только новые модели бытия, но и определяет границы их применения? При этом горшечник не перестает быть им, а сосуд - сосудом? В какой-то степени и нам дозволено вместе с Иеремией, распознать в горшечнике Бога, а в образе «глиняного сосуда» - Иерусалим? Особенность пророческого феномена выражена в том, что нет иного дозволения, чем дозволение Бога. И то видение, которое сегодня оправдано, завтра может оказаться неоправданным, с точки зрения человеческой логики. Как мы заметили, пророческий мир то распадается, то восстанавливается по изволению Бога, как это представляется Иеремией через работу горшечника в образно-художественной форме (Иер. 18:4).

Божественное Откровение, в котором непосредственно участвует пророк, вызывает неизбежное расхождение между его духовным миром и миром людей, для которых передается божественная весть, вызывая непонимание и страдание. И все это происходит потому, что люди окружающие пророка Иеремию видят этот мир совершенно «иными» глазами. Все это показывает, что у пророческого видения есть и другая не менее значимая цель, которая порождает более глубокие художественно-эстетические аффекты - грезы... Как можно охарактеризовать грезы? Наверное, - щедрое раскрытие внутренних ландшафтов человеческой души, способных вызвать из душевных глубин все воспоминания, метафорические образы, желания и питать ими прошлое и будущее в быстротечном настоящем.

Да, им свойственно разбивать иллюзии в человеческом сознании, открывать доступ в сферу бессознательного, а области бессознательного - в сферу сознания. При этом, как мы заметили, создаются необычные художественные образы, выходящие за пределы времени, пространства; внутренний образ эти панорамы охватывает, но не может удержать. Пророческое видение, вспыхивающее в недрах самой грезы, внезапно начинает сиять яркими художественными красками в бездонной глубине. На примере пророка Иеремии мы отметили, что пророческое видение с ошеломляющей силой навязывает свою философскую реальность и кричит в уши обезумевшей души, что оно есть истина. Возможно, что этот феномен культуры позволяет пророку отличить визионерский опыт от грезы и возвестить его, а грезы забыть. Но, на этом все не останавливается, и, отчаянно

оспаривая, пророк подвергается нескончаемым вторжениям в реальную жизнь и ночной сон жутких образов, создающих психологическое напряжение и превращающих жизнь в кошмар.

От Иеремии требуется мучительное усилие, чтобы отличить иллюзию от реальности. Страшные образы все чаще преследуют его, наполняясь грандиозными видениями, в которых грохочут марши идущих с Севера армий; настойчиво звучат походные трубы; надвигается голод, чума, паника и истребление, включая природные катаклизмы: землетрясения, засуху, затмение солнца, наводнения (Иер. 19:1-15). Вот он в страхе просыпается, и перед ним снова встают эти «ужасные образы», и сон продолжается как бы наяву. Встревоженное сознание пророка испытывает шок, мучительную усталость после утреннего пробуждения (Иер. 23:9). Нам, в какой-то степени становятся понятными те психологические терзания и сомнения вызванные диспропорцией между масштабом увиденного ночью и картинами мирной жизни Иерусалима. А, что, - думает он, - если это «страшное видение» просто сон - всего лишь грезы? Пророку Иеремии необходимо пройти еще одну суровую фазу обучения, чтобы смести возникающие в сознании сомнения и вопреки всему доверится Тому, кто открывается ему в видении.

Как мы заметили, что его память не бездействуя, не отступая, сразу включается в процесс оформления художественных образов невидимого мира, облекая их в доступные для человеческого восприятия высказывания. Откуда-то извне приходят к Иеремии «трепетные слова», украшенные совершенством ритма и стиля, внезапно захваченный Богом он говорит прекрасным литературным языком, образно-художественными фразами, наполненными глубокого духовного смысла. Такой скачок от неумения к совершенству - один из важнейших признаков пророческого предназначения и принадлежности Иеремии к выдающейся плеяде пророков древнего Израиля, сумевшего описать все увиденное и услышанное в доступных художественных образах, связав их с реальной действительностью человеческой жизни [2, с. 60-82].

Еще один пример крушения «сладких грез» имел место в середине XIX-го века, когда тысячи американцев ожидали славного Пришествия Христа 22 октября 1844-го года, согласно пророческим текстам Книги Даниила 8:14. Миллериты с нетерпением хотели увидеть Христа, приближающегося на облаках небесных, в окружении святых ангелов и встречи с дорогими друзьями, которых отняла у них смерть. Во всех своих испытаниях и страданиях они смотрели с надеждой на небо, ожидая встречи с грядущим Господом и желая увидеть Новый Иерусалим, золотой город, жителями которого они вскоре станут (Откр. 21:1-21). Так, описал боль «утраченных грез» Хирам Эдсон, один из активных участников миллеритского движения: «Мы были на пике ожидания пришествия нашего Господа до тех пор, пока часы не пробили двенадцать. Затем прошел день, и наше разочарование стало очевидным. Наши самые сокровенные надежды и ожидания рухнули, и дух плача овладел нами... Нам было о чем горевать, и что оплакивать. И, как я сказал, мы плакали до самого заката» [3, с. 384].

Анализируя пророчество как феномен духовной культуры, следует отметить, что некоторые библейские пророки, особенно вавилонского и после вавилонского периодов, описывают свои духовные опыты в «сверхчувствительном мире» как «мощные» художественные образы. Например, «человек в льняной одежде», «волшебные колеса с глазами», «экзотические животные с четырьмя лицами и крыльями» (Иез. 1:1-28;9:1-11). И. Клаузнер, автор статьи об Иезекииле из «Еврейской энциклопедии» вынужден был признать, что «в представлении о сущности бога Израиля Иезекииль не вносит никаких новых возвышенных черт. Напротив, в своих видениях (Иез. 1:10; 43:2-6) он окружает Яхве антропоморфными и даже зооморфными существами, которые послужили основанием к возникновению поздней ангелологии и апокалиптики. И это произошло, полагает он, не без вавилонского влияния: херувимы Иезекииля очень напоминают крылатого вола «Кирубу» вавилонян [4, с. 571]. Иногда эти образы символически представляют языческие народы, которые окружали древний Израиль, а также соседние царства, что расшифровывается в контексте описанного пророком видения.

Имеются видения эсхатологического характера, свидетельствующие о событиях и катаклизмах далекого будущего - «последних дней», «последних времен» человеческой истории. Однако есть видения, которые повторяются только у некоторых пророков, - как ветхозаветных, так и новозаветных. Например, в Книге «Откровение» метафорически описаны «кони четырех мастей» - как грядущие на землю «страшные» бедствия (Отк. 6:1-8), «говорящий жертвенник» (Отк. 16:7) - метафора, которая трудно поддается логичной аргументации. Ключ к разгадке этого текста находится в Книге «Откровение» 8:3-4, где поясняется, что «золотой жертвенник» является местом, откуда поднимаются «молитвы святых», смешанные с фимиамом этого жертвенника. «Молитвы святых» можно понимать, как эхо вопля «душ» находящихся под жертвенником (Отк. 16:1-10). Души вопиют к Богу из-за несправедливости обращения, которое они пережили со стороны других людей.

Или «большой красный дракон» с семью головами и десятью рогами, хвост, которого увлек с Неба третью часть звезд (Откр. 12:3-4). На первый взгляд эти экстраординарные повествования не имеют отношения к современному миру, но на самом деле это не так. Если, к примеру, провести художественную параллель между популярной сказкой «Король лев» и «Красным драконом» из Книги «Откровение», то они покажутся нам рассказами о животных. Вместе с тем эта притча содержит глубоко этический и психологический аспект, показывая, что необходимо для того, чтобы строить добрые отношения с другими людьми, избегать риска и достойно выходить из сложных конфликтных ситуаций. Сказка «Король лев» - это африканский вариант «Апокалипсиса», где показано разрушение и восстановление «Рая» во всех аспектах счастья и

процветания, напоминая, что зло зарождается в «темном месте» на краю «Рая» (души), вселяя надежду на приход Спасителя, который возьмет судьбу обитателей сказочной страны в свои руки.

Вся художественная метафоричность сказки «Король лев» и Книги «Откровение» делает её убедительной благодаря тому, что читается как история о животных, символически характеризую людей такими, как они есть, а также о том, как развивается человеческая история. Другими словами, это история о фундаментальных вопросах бытия, с чем сталкивается каждый человек. Эти истории актуальны сегодня, когда идейная борьба, конфликты соединяются с популярными в обществе мифами и страхами перед будущим, показывая, что апокалипсические жанры литературы значимы так, когда была написана сказка «Король лев» и Книга «Откровение». Исследуя эту Книгу, нас поражает не только её «таинственные» художественные символы, «разговоры странных созданий», метафоры, аллегории, но и числовые варианты. Как утверждает физик-теоретик Джон Полкингорн, что математики эти числа открывали, а не изобретали, исследуя реальность уже существующую.

Например, как мы знаем, что простые числа делятся на самих себя и единицу (2, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 12), и что они всегда существовали рядом с нами, пока мы не заметили их существование. Далее он полагает, что эти числа являются частью фундаментальной структуры вселенной, существующей на более высоком уровне, за пределами физической реальности (эти же идеи лежат в основе философской системы Пифагора). Или выражаясь другими словами, что вселенная включает в себя гораздо больше, чем простые объекты, которые можно наблюдать и изучать. Подобного рода исследования ученых наводят на мысль, что такие фундаментальные принципы как математика, истина, красота, относятся к реальности, лежащей за пределами человеческого наблюдения и понимания. Умозаключение Джона Полкингорна поразительно, когда мы начинаем осознавать, что самооткровение Бога в «Апокалипсисе» полно как удивительных художественных символов, метафор, так и «таинственных» чисел [5, с. 384].

Там же говорится о 1000 лет, 42-ух месяцах, 1260 днях, пяти месяцах, 10 днях, напоминая философскую категорию времени, а также «таинственных времен», «полувремен», представляя собой странные и необычные описания действительности. В других главах мы встречаем толпы людей, начиная от «2-ух верных свидетелей» до «24-х старцев», «144000-х тысяч» и «великого множества», включая число Антихриста - «666» (См.: Откр. 4:10-11; 11:2-3; 13:18; 14:1; 19:6). Д. Уилсон, например, считает, что «для эсхатологических пророчеств о «конце света» и правильной идентификации столь причудливых нумерологических ключей, существует определенная система» [6, с. 235-236]. Используя эту систему доктор Дж. Паулин делает вывод, что «восприятие Книги Божественного Откровения и Книги Природы, образует некий синтез, благодаря которому можно понять сущность бытия» [7, с. 384]. Потрясает своей «эсхатологической мощью» пророческое видение Иезекииля о «воскрешении мертвых», описанное в странных метафорических образах, которые с трудом поддаются однозначной интерпретации (Иезек. 37:1-17) [8, с. 845].

Или, если взять, к примеру, художественное изображение Вавилона в образе блудницы (Откр. 17:1-2), что в социальном плане как бы усиливает дискриминацию женщины и недопустимо с точки зрения современной культуры. Однако образ «жены» в Книге «Откровение» появляется в типической роли потому, что похожие художественные образы уже существовали в культуре времен Иоанна Богослова. Языческие авторы первого столетия, например, часто изображали города на монетах и других произведениях искусства в виде богини восседающей на реке. Поэтому Книга «Откровение» усвоила эти образы, которые были характерны для культуры того времени и включила в свою систему. Нам, живущим в современной культуре не совсем понятен этот язык, который можно объяснить благодаря культурному фону. Следовательно, попытки обвинить Иоанна Богослова в использовании культурных образов и понятий того времени - культурологически необоснованно.

Чем дальше от вавилонского плена мы приближаемся к Новому времени, тем загадочнее, недоступнее обыденному мировоззрению становится литературно-художественный язык библейских пророков. Мы начинаем осознавать, что наступают времена, когда вступают в действие «неизвестные» земные и небесные силы. Происходит величайшее событие в истории мира - Рождество Христово, после чего пророчества вдруг резко прекращаются. Последний пророк Нового Завета, апостол Иоанн пишет Книгу «Откровение» на острове Патмос, где метафорически, в художественно-экспрессивной форме описывает картины «Последних дней» нашего мира. Удивительно, что эта загадочная Книга оставалась непонятой благодаря своей недоступной философской образности. С «немым» вопросом хранило ее человечество 2000 тысячи лет, и только в наше время был найден «ключ» к разгадке ее пророческих тайн.

Список литературы

1. Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Завета: канонические. М.: Объединенные библейские общества, 1992. 845 с.
2. Еврейская энциклопедия. М., 2000. Т. VIII. 571 с.
3. Паулин Дж. Евангелие с Патмоса / пер. с англ. Заковский. Источник жизни, 2009. 384 с.
4. Полкингорн Дж. Вера глазами физика. М., 1998. 378 с.
5. Рижский М. И. Библейские пророки и библейские пророчества. М., 1987. 360 с.
6. Уилсон Д. История будущего. М.: АСТ, 2007. 286 с.
7. Франц-Каменецкий И. Г. Пророк Иеремия и борьба партий в Иудее // Религия и общество. М., 1929. 287 с.

**RELIGIOUS AND ARTISTIC SEGMENTS INTERACTION IN PROPHETICAL TEXTS:
CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS****Vladimir Yakovlevich Laluev**, Ph. D. in Philosophy*Department of Philosophy and Culturology
Siberian State University of Railway Engineering
vladimir_laluev@mail.ru*

The article is devoted to the activity of the prophets of the Old and New Testaments, when, according to the author's point of view, prophetic intentions started to be determined by the impulses having artistic origin.

Key words and phrases: biblical prophet; spiritual experience; divine revelation; artistic image; art and reality; dreams.

УДК 378(571.1)"1930/1985"

Сибирский металлургический институт, как и многие вузы страны, имеющие многолетнюю историю своего существования, в условиях трансформации высшей школы, может стать мерилом, определяющим качество проводимых реформ. В работе проведен анализ процесса повышения квалификации в первом техническом вузе Кузбасса.

Ключевые слова и фразы: высшая школа; образование; технический вуз; аспирантура; повышение квалификации; профессорско-преподавательский состав.

Лариса Викторовна Липунова, к.и.н.*Кафедра конституционного и административного права**Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета**Lip-1973@yandex.ru***ПОДГОТОВКА НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ЧЕРЕЗ АСПИРАНТУРУ
В СИБИРСКОМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ (1930-1985 ГГ.)[©]**

Проблема совершенствования преподавания в высшей школе Кемеровской области в советский период являлась одной из самых сложных. Об этом свидетельствует множество нормативных документов, принятых как вышестоящими инстанциями, так и местными органами. Содержание обучения определялось (впрочем, как и сегодня) учебными планами и программами, квалификацией преподавателей, их умением отделить главное от второстепенного, общее от частного, наполнить лекционный курс научным материалом. При этом особое внимание уделялось подготовке научно-педагогических кадров.

В связи с тем, что первоочередными задачами на момент открытия Сибирского металлургического института (1930 г.) являлись комплектование студенческого и преподавательского составов, обеспечение учебного процесса аудиторным фондом, вопросу повышения квалификации не уделялось должного внимания: отсутствовал план сдачи кандидатского минимума и слабо велась работа в научных лабораториях [5, л. 136]. При этом практически ни один преподаватель не ставил перед собой задачу быстрого повышения научной квалификации.

Для увеличения количества остепененных преподавателей в начале 1940 года Ученым советом СМИ был уточнен план защиты диссертаций на соискание ученых степеней кандидатов и докторов наук, а также планы сдачи кандидатского минимума. Согласно этому плану в 1940/1941 учебном году должны были защитить диссертации на соискание ученой степени доктора наук 17 человек.

С целью улучшить эффективность работы по повышению квалификации профессорско-преподавательского состава (ППС) в вузе стали разрабатываться детальные планы повышения квалификации научных работников. В ходе анализа которых, во-первых, выявлялись проблемы повышения квалификации, а во-вторых, можно было определить направления, по которым необходимо было работать в будущем.

Позднее, в 1950-1960-е годы, трудности в выполнении планов повышения квалификации ППС Сибирского металлургического института были вызваны неуккомплектованностью штата, отсутствием достаточных материальных средств, перегрузкой некоторых работников учебной и административной работой, а также слабым контролем со стороны ректората.

С целью разрешить проблемы повышения научно-педагогической квалификации ректоратом Сибирского металлургического института принимались различные меры, среди которых можно отметить приказ ректора Н. В. Толстогузова от 21 мая 1975 года № 108 [3, л. 259]. Согласно этому приказу, всем деканам факультетов предписывалось установить строгий контроль за ходом повышения квалификации на факультете, не допуская к переизбранию на новый срок преподавателей, не прошедших повышение квалификации; проректору по